

УДК 1(06)/304.2

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ – ИДЕНТИЧНОСТЬ – ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Останина О. А.

Вятский государственный университет, г. Киров, Российская Федерация

E-mail: oa.ostanina@yandex.ru

Эпоха глобализации характеризуется как глубокой трансформацией исторического сознания, так и обострением проблемы идентичности. Историческое сознание понимается как часть общественного сознания, включающая в себя совокупность представлений об историческом прошлом; оно представляет собой сложное переплетение памяти, предвосхищений, переживаний, созерцаний, знаний, рефлексии, обусловленных как социальным бытием, так и способностями сознания. Взаимосвязь исторического сознания и идентичности представляется очевидной, а их содержание будет определяться типом грядущего цивилизационного развития. Рассмотрение данной взаимосвязи в контексте глобализации составляет один из аспектов новизны статьи; другим аспектом новизны является анализ ряда тенденций изменения, как содержания исторического знания, так и его осмысления, отношения к нему. Понятия «историческое сознание», «идентичность», несмотря на их широкое распространение, являются дискуссионными и требуют отдельного исследования.

Идентичность характеризуется неопределенностью, что представляет серьезную проблему, поскольку идентичность – одно из условий поддержания целостности как общества, так и личности. Особенности исторического сознания и идентичности связаны с состоянием современного общества, его кризисом. Критичность исторического сознания выражена в трансформации репрезентации исторических фактов, принципов их отбора. Для массового сознания характерно падение интереса к истории; знание и понимание истории противоречивы, так как включают в себя взаимоисключающие мнения, идеи; в нем новое содержание и архаизмы оказываются тесно переплетенными. Кризис исторического сознания и идентичности в условиях глобализации закономерен. Глобализация меняет роль государств, форм коммуникации; она влияет на образование, язык; изменениям подвержены все формы идентичности. Пересматривается отношение к великим историческим событиям, имеет место ревизия идеологий XX века, переживает своеобразный ренессанс религиозное сознание (что также обусловлено стремлением обосновать идентичность); идет борьба за выбор типа цивилизационного развития, которая отражается в отношении к истории и содержанию идентичности.

Ключевые слова: идентичность, историческое сознание, глобализация

Исследование исторического сознания, особенно в кризисные, переломные моменты развития общества, имеет и теоретическое, и мировоззренческое значение. Историческое сознание понимается как часть общественного сознания, включающая в себя совокупность представлений об историческом прошлом; оно представляет собой сложное переплетение памяти, предвосхищений, переживаний, созерцаний, знаний, рефлексии, обусловленных как социальным бытием, так и способностями сознания. Историческое сознание обладает сложной структурой: оно может быть рассмотрено как общественное, групповое,

индивидуальное; оно представлено разными уровнями (переживание, знание, ценностный, рефлексивный уровни); в нем выражено и определенное знание истории, и оценочное отношение к ней. Историческое сознание – необходимое условие самоидентификации и социума, и личности. Взаимосвязь исторического сознания и идентичности очевидна, своеобразие данной взаимосвязи в XXI веке во многом определяется процессами глобализации. Такая постановка вопроса придает статье характер новизны.

Примечательно, что до XX века идентичность не рассматривалась как проблема, актуализация этой проблемы связана с отступлением от теологических и религиозных допущений [2, с. 139], в обосновании идентичности большую роль начинают играть историческая память, исторический опыт (опыт переживания истории), историческое знание. Хотя, как увидим ниже, данная роль противоречива, неоднозначна. В общем смысле слова, идентичность можно определить как символическое средство объединения с одними [людьми, общностями] и дистанцирование от других. Существует много типологий и классификаций идентичности: их подразделяют на «индивидуальные» и «групповые», «позитивные и негативные», «локальные» и «надлокальные», «фундаментальные» и «релятивные». Наиболее значимыми принято считать расовые, этнические, национальные и цивилизационные идентичности, связанные с антропологическими, языковыми, культурными и религиозными различиями людей.

Национальная идентичность в современных условиях – это самоотождествление индивидов с комплексом представлений, ассоциирующихся с национально-государственной общностью, с обязательствами и правами по отношению к другим членам этой общности и государству. Различаются ориентации на страну (общая территория), на государство (общие институты, символы, язык), нацию (общее происхождение, исторический опыт и судьба). Существуют различные подходы и к пониманию, и к формированию национальной идентичности.

Так, один из широко распространенных подходов (назовем его евразийский) настаивает на том, что в нашей национальной культуре есть константы, базовые ценности, которые, в сущности, никогда не менялись. К ним, как правило, относят: постоянный поиск Россией себя, особенно в сравнении с Западом, ее неопределенность; бинарный (антиномичный) характер русской культуры; двоemiрие в русской культуре; ярко выраженное коллективистское начало, соборность, потребность в единстве, единство в многообразии; идея Земли-Родины, перед которой все равны; специфическое понимание социальной справедливости – успешность человека должна быть связана с трудом, а не с результатами предпринимательской активности; мессианская идея и универсалистский характер русского мессианства (можно назвать идеи митрополита Иллариона, доктрину Филофея «Москва – третий Рим», русскую идею славянофилов, почвенников, религиозных философов и даже русских марксистов); высокая степень адаптивности русской культурной традиции; противоречивое отношение к труду, которое отражено в знаменитых русских пословицах; низкая притязательность к жизненным благам; низкий протестный потенциал [3, с. 10–11].

Сами по себе перечисленные константы не хороши и не плохи. Их качество зависит от обстоятельств, в которых они проявляются и играют исторически разную роль.

Другой подход (представленный в трудах Н. Данилевского, А. Тойнби, С. Хантингтона) исходит из того, что более адекватным является понятие «цивилизационная идентичность», поскольку процессы глобализации, как указывалось выше, ведут к нивелированию национального начала, в том числе национально-государственного. Роль национальной идентичности в современных условиях падает, возникает опасность формирования псевдоидентичности, тем более что при ослаблении роли государства и идеологии «пробуждаются» архаичные слои ментальности, соответствующие жизненным практикам еще допетровских времен.

В рамках развития понятия цивилизационной идентичности возможно объединение разных видов идентичности (гендерной, профессиональной, конфессиональной, групповой, субкультурной) и снятие противоречий между ними с целью выявления наиболее общих тенденций развития нашего общества. Более целесообразно, утверждает данный подход, вести речь о формировании особого типа культуры как основы цивилизации, который не был бы подражанием Западу.

Таким образом, все равно встает вопрос о национально-культурной идентичности, только в другом ракурсе, в связи с определением культурного кода цивилизации, ее культурных констант и доминант. И вот тут-то, при попытке выявить культурно-национальный код, и возникают серьезнейшие проблемы и трудности методологического порядка. Можно выяснить, исследовать содержательно-смысловой инвариант той или иной ценности, который, впрочем, в чистом виде никогда не обнаруживается, а всегда в конкретной социально-исторической ситуации, конкретных социальных отношениях и взаимосвязях, что показано самыми различными философскими направлениями и школами (марксизм, герменевтика, феноменология и др.).

При определении же национально-культурных констант некоторая доля произвола и субъективизма не исключена, поскольку возможности доказательства, верификации и, тем более, фальсификации ограничены [3, с. 11–13].

Третий подход, постмодернистский, и исходит из того, что со второй половины XX века происходит диффузия ценностей, они заменяются «симулякрами». Идентичность существует в пределах «тусовок», которые постоянно меняются. Развитие сетевой коммуникации тоже обостряет проблему идентификации, потому что сети, «работа командами» по выполнению конкретного задания, после которого команда распадается и, как в калейдоскопе, реорганизуется, не способствуют укреплению идентификационных связей. Кроме того, Интернет создает возможности для формирования виртуальной идентичности, для образования особых виртуальных сообществ, вне-, над- и транснациональных. Следовательно, рассуждения о национальной идентичности не могут не учитывать новых явлений общественной жизни.

На наш взгляд, важно рассматривать различные подходы к пониманию национальной идентичности во взаимодополнении. Речь идет о преемственности, о

сохранении базовых национально-культурных ценностей, содержание которых меняется в соответствии с реальностью, то есть идентичность не остается той, какой она была, например, два-три десятилетия назад [3, с. 13].

Более того, как верно замечает А. Мегилл, «в мире, в котором альтернативные реальности постоянно входят друг с другом в конфликт, и в котором множество возможных идентичностей выставлено напоказ, неопределенность идентичностей, возможно, является неизбежным побочным продуктом» [2, с. 138]. Такая ситуация, с одной стороны, дает «эффект свободы» [2, с. 141]. С другой стороны, «когда идентичность становится сомнительной, повышается ценность памяти» [2, с. 138], исторического опыта, исторического образования, формирующих историческое сознание.

Возникает закономерный вопрос, что представляет собой современное историческое сознание и как оно влияет на содержание идентичности. Если воспользоваться классификацией видов истории Ф. Ницше (история монументальная, антикварная, критическая), то можно сказать, что современному этапу исторического развития соответствует история критическая и, следовательно, критическое историческое сознание [5, с. 123].

Для критического исторического сознания характерна трансформация, заключающаяся в новой конфигурации представления исторических фактов, которая, в свою очередь, обусловлена изменением принципов их отбора, смещением акцентов, оценок и т. п. Понятно, что переосмысление истории в рамках критического сознания не является самоцелью, а опосредовано целями и задачами, стоящими перед обществом, направлено на будущее, на реализацию наметившихся тенденций исторического развития. Если дело обстоит не так, то сознание не может быть определено, с нашей точки зрения, как собственно историческое. Сдвиги, дрейф содержания исторического сознания в российском обществе свидетельствуют, как представляется, не о его трансформации, а, скорее, о его конце. Разумеется, это одна из существующих ныне альтернатив эволюции сознания, но она пока, как мы полагаем, остается ведущей. Что имеется в виду и каковы основания для такого вывода?

Во-первых, нельзя не обратить внимание на явное расхождение между декларируемыми, как правило, «сверху», целями развития нашего общества, призванными детерминировать доминанты исторического сознания, и реальным положением дел. Это расхождение фиксируемо буквально во всех сферах, формах социального бытия: экономике, образовании, политике и т. д. Получается, есть некое «официальное» историческое сознание, оно и декларируется; и есть реальное сознание, крайне неоднородное. Налицо бывшее характерным для России культурное, по меньшей мере, двоемирие (о чем упоминалось выше). Это одна сторона проблемы; другая заключается в том, что такое расхождение, такая двойственность приводят вообще к растерянности, неопределенности и дезориентированности сознания.

Во-вторых, современному сознанию присущи парадоксальность, так называемый «кентавризм», когда в нем уживаются, сосуществуют взаимоисключающие образы, понятия, оценки, что никак не способствует

историческому самоопределению народа. Известно, что в сознании и индивидов, и социальных групп, и общества одновременно могут быть современные взгляды и идеи и целые пласты, по сути, архаичного сознания, казалось бы, давно исчезнувшего. Очевидно, когда расшатываются и отгесняются на периферию общественной жизни базовые ценности, разрушается сущностно-смысловой стержень, как бы цементирующий различные сегменты сознания, обеспечивающий его целостность, тогда и обнаруживаются компоненты, содержания сознания, возникшие в прежние исторические эпохи и не дававшие о себе знать. С другой стороны, и в историческом бытии вскрылись, похоже, такие архаичные пласты.

В-третьих, бросается в глаза явное падение интереса к истории, в том числе и потому, что современная жизнь с ней никак не связана. Об этом свидетельствует и уровень исторических знаний, например, выпускников школ. Здесь же можно сказать о «клиповости» подачи исторической информации и знаний, отсутствии в обществе согласия по важнейшим вопросам нашей истории, как, впрочем, и по видению нашего будущего.

Падение интереса к истории означает утрату исторического опыта, то есть опыта переживания истории, «прочувствования» ее своей историей. О каком же историческом сознании можно, в таком случае, вести речь?

Более того, можно говорить и об утрате чувства времени, что выражено в установке «жить сегодняшним днем», без прошлого и будущего, без того «просвета», «схождения времен», которое М. Хайдеггер считает важнейшей характеристикой исторического сознания. Осознанная устремленность в будущее рождает ответственность за настоящее, а значит, за историю, вводит в сознание новые идеи, понятия, указывая тем самым на значимость их будущего осуществления.

В-четвертых, мы знаем, что объективные процессы глобализации изменили статус государств и наций; идет дискуссия о судьбе государства в современную эпоху. А как же тогда национальная история и ее судьба? С чем можно и нужно соотносить историческое сознание? Вопрос, очевидно, заключается в исследовании диалектики взаимосвязи национальной и глобальной истории [5, с. 124–125].

Но, так или иначе, эпоха глобализации характеризуется глубокой трансформацией исторического сознания. Изменения исторического сознания обусловлены мировыми войнами XX века, включая холодную войну, которые потрясли философские основания Модерна и вызвали разочарование в прогрессистских учениях; перекраиванием политической карты мира – это распад СССР и мировой системы социализма, усиление блока НАТО, рост значения азиатских государств и др. Закончилась, по словам А. Бадью, историческая революционная эпоха, продолжавшаяся с Великой Французской революции (1789 г.) до китайской культурной революции (1976 г.). Предпринимаются попытки создать новые или, наоборот, реанимировать старые символические формы, найти возможность создать новую вдохновляющую идею.

В основе исторического сознания всегда находится некий архетип – это, как правило, реальное историческое событие, интерпретации и варианты мифологизации которого могут быть различны. В более ранние эпохи архетип

отсылал к священным текстам (Библия, Коран и др.). При кардинальном преобразовании общества, в процессе нового нациестроительства архетип менялся с целью сохранения и поддержания социального порядка. Такую смену архетипа и даже конфликт архетипов мы можем фиксировать в современном российском обществе; двойственность архетипов рождает амбивалентность исторического сознания. Поясним, о чем идет речь. Новый архетип, который формируется как символ национального единства, – это победа нашего народа в Великой Отечественной войне. Но попытки сформировать данный архетип ломают прежний архетип, которым была Великая Октябрьская социалистическая революция; и победа в Великой Отечественной войне рассматривалась как подвиг народа, как результат определенного типа общественного развития. Суть происходящего изменения заключается в том, чтобы оторвать победу в войне от «социалистического прошлого» нашего общества и найти, таким образом, новую точку отсчета отечественной истории XX века [4, с. 102].

Приведенный пример поиска архетипа и, вместе с ним, национальной или цивилизационной идентичности России (что важно в эпоху глобализации в ситуации угрозы размывания национально-цивилизационных архетипов) не единственный. В этой связи можно назвать относительно новую «красную дату календаря» – 4 ноября, День народного единства как день, символизирующий начало российской цивилизации, формирующейся в борьбе с польско-шведской интервенцией. А в 2014 году активно обсуждалась тема царствования Ивана III, при котором путем присоединения многих земель, было образовано территориальное ядро русского государства. Продолжаются, таким образом, поиски архетипа исторического сознания российского общества, пишутся новые учебники по отечественной и зарубежной истории, но вопрос, к сожалению, пока остается открытым. Или возникает еще один вопрос – возможен ли плюрализм архетипов в условиях кризиса национально-государственной формы организации общества?

Другой существенной особенностью и характеристикой исторического сознания можно считать пересмотр отношения к революциям – прежде всего, к Французской и Русской. Революция рассматривается как ярко выраженное проявление насилия, которое, разумеется, оценивается негативно. Распространение получают, с одной стороны теории заговора, результатом которого и оказывается революция; с другой стороны, выдвигается идея мирного, консенсусного развития. При этом почему-то «забывается», что война, даже самая праведная, – это тоже форма насилия, и победы не бывает без применения насилия (победа всегда над кем-то). Здесь возникает закономерный вопрос о природе насилия, его видах, справедливом и несправедливом насилии. Так или иначе, оценка насилия меняется: в одних случаях оно резко и безоговорочно отрицается, в других – как будто не замечается, например, в многочисленных «бархатных», «цветных» и «цветочных» революциях. Кроме того, революции возникают все-таки в результате реальных противоречий в обществе, дезинтеграции общества и государства.

Далее, на смену прогрессистским и нерелигиозным убеждениям приходят религиозные ценности, усиливается роль религии и религиозных организаций [1]. Это можно объяснить рядом обстоятельств. В контексте кризиса, размытости

ценностей, вообще неопределенности, турбулентности современной социокультурной, социально-политической и социально-экономической ситуации проявляет себя стремление к трансцендентному, приобретающее религиозное выражение. О «прорыве к трансцендентному», о «возвращении к бытию» писали в свое время К. Ясперс, М. Хайдеггер, имея в виду изменение способа философствования. Но для массового сознания философия, конечно, менее доступна и более сложна по сравнению с религией.

Глобализация ведет к разрушению национальной идентичности, которая может быть заменена религиозной, будто бы гарантирующей «возвращение к корням», к «почве». Хотя религия не может быть «первичной матрицей идентичности», главными ее составляющими являются семейная генеалогия, язык, географическая среда, этничность, кроме тех случаев, когда человек посвящает религии жизнь. Несмотря на всю важность религии, не религиозная сущность определяет поведение людей и вытекающее из него социальные и политические системы.

Недоверие к идеологиям XIX–XX вв., к революциям, с которыми связывают насилие, стремление этого насилия избежать заставляет обратиться к прошлым формам общественного сознания, то есть к религии. Игнорируется насилие и нетерпимость религиозных войн, отношения к инакомыслящим (еретикам), связь религии и церкви с властью (сама религия характеризуется организацией и институционализацией, а значит, и проявлениями власти, насилия).

Современные цивилизации, прежде всего западная, техногенная, цивилизация, испытывают страх за свое будущее: все великие цивилизации рано или поздно гибнут, происходит столкновение цивилизаций, о котором писал С. Хантингтон. В стремлении победить и погубить соперника цивилизация обращается к религии. Так, политическая элита США, не скрывая своих претензий на господствующую роль в мире, в новом цивилизационном порядке, говорит о восстановлении «традиционных ценностей», использует в политике религиозно-этическую риторику – «империя зла», «ось зла». Вообще, морализация становится характерной чертой политики и политиков (как и демонизация некоторых религий, например, ислама, в ситуации угрозы терроризма). Традиционные ценности, как правило, связаны с протестантизмом, особенность которого заключается в том, что он внедряет религиозность непосредственно в повседневную жизнь, социальное и религиозное оказываются взаимосвязанными.

Кризис переживают и философии истории, основанные на принципах рационального постижения истории; истоки западноевропейской цивилизации смещаются с греко-римского периода на время возникновения христианства.

Активизация религиозного сознания объясняется и экзистенциальной тревогой, желанием спасти разрушенные «основания» и природного, и социального, и человеческого бытия.

Несмотря на такой своего рода «религиозный ренессанс», нельзя не признать, что все-таки религия оказывается подчиненной политическим целям. Это не возвращение религиозности, в буквальном смысле слова, а новое применение религии в новых политико-экономических условиях, ее инструментализация, в том

числе и в вопросе о формировании идентичности. В каком-то отношении воспроизводится обоснование идентичности, распространенное до XX века.

В историческом сознании меняются также представления об историческом пространстве и историческом времени. Так, организуются новые места памяти: Санкт-Петербург (Ленинград) – уже не «колыбель революции», все больше экскурсий и туров организуются по «священным местам» и т. п. Время, линейное или спиралевидное, заменяется временем эсхатологическим, и происходящие события, в том числе конфликты (войны) трактуются как эсхатологические.

Можно говорить и об образе исторического героя, который играл важную воспитательную и идентификационную роль в классической древности, в проекте «Модерн» и которого, кажется, нет в наше время [4, с. 104].

Все выше сказанное свидетельствует о глубокой трансформации исторического сознания, его кризисе. Повторим, кризис идентичности и кризис исторического сознания оказываются теснейшим образом взаимосвязанными и усугубляются в условиях глобализации. Каковы варианты преодоления этой критической ситуации? Сторонники сохранения или возрождения проекта «Модерн» (Ж. Корм, Ю. Хабермас) предлагают опереться на коммуникативный разум и выйти из библейского архетипа, переобосновать мир, признав возможность мультикультуризма и идеалов Просвещения. На наш взгляд, идет сложный процесс формирования нового типа мировоззрения, идеологии, и обращение к религии, эсхатологии является лишь его временным этапом. Тип общества, который возник из проекта «Модерн», очевидно, себя исчерпал, обнаружив пределы роста; этим, в определенной степени, объясняется пересмотр его начал, оснований, поиск иных точек отсчета истории. Фиксация контуров будущего общества позволит выявить и адекватные ему тенденции в общественном сознании. Все зависит от того, какой из конкурирующих, борющихся друг с другом сценариев цивилизационного развития победит.

Список литературы

1. Корм Ж. Религиозный вопрос в XXI веке. Геополитика и кризис постмодерна / Ж. Корм. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2012. – 288 с.
2. Мегилл А. Историческая эпистемология / А. Мегилл. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2009. – 480 с.
3. Останина О. А. К вопросу о национальной идентичности России // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2013. – № 2 (1). – С. 9–14.
4. Останина О. А. Историческое сознание в эпоху глобализации / О. А. Останина // Бытие – Язык – История: материалы Всероссийской заочной научной конференции 19 ноября 2015 г. – Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2015. – С. 101–105.
5. Останина О. А. Трансформация или конец исторического сознания? / О. А. Останина // Социогуманитарные науки в трансформирующемся обществе: Человек в информационном обществе: сборник статей и тезисов докладов X Всероссийской научной конференции (Май 2012 г.). – Липецк: Изд-во ЛГТУ, 2012. – С. 123–125.

Ostanina O. A. Historical Consciousness – Identity – Globalization // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2016. – Vol. 2 (68). – № 4. – P. 88–97

Identity may be considered as one of components of the historical consciousness. On the other side the historical consciousness is one of the factors of formation and steadiness of the identity, individual or collective. The historical consciousness is a part of the public consciousness, which includes the set of views about the historical past. It represents the complex weave of memory, anticipations, experiences, knowledge, and reflection. They are due the social being as well as capabilities of the consciousness. Different forms and levels of the historical consciousness can be allocated. The article deals with the identity, the historical consciousness and their relationship in the context of the process of the globalization; this feature forms one of the aspects of its novelty. The other aspect of novelty is the analysis of some tendencies of changing of the historical knowledge and its understanding, relation to it.

Identity determines also the selection of historical data, the configuration of history in its representation; it determines historical memory as well. At the same time our identity is characterized as uncertain. At the first sight this uncertainty seems favorable for freedom of choice. But really the situation is rather serious and even dangerous because the identity is a necessary condition of the wholeness both of the society and the personality, of normal being of community.

Undoubtedly such state of the historical consciousness and the identity is mediated by the contemporary society, its crisis. And we can define the historical consciousness as critical. It is transformed; the configurations of the representation of historical facts, principles of their selection are changed. The transformation of the historical consciousness in Russia is full of contradictions.

Thus there is a great difference between the “official”, declarative historical consciousness and the real, mass consciousness. Then the historical consciousness contains incompatible opinions, ideas (“kentavrism”), new views and knowledge get on with archaisms. The interest in history falls, the feeling of the historical time is lost, etc.

The question about the identity is complex; there is a discussion about its sense and meaning. Is it entirely subjective or are there objective foundations of the identity? If yes, what are the real features of our identity, how do they transform, develop? Is it possible that the identity is situational? All these questions must be thoroughly investigated, only declarative words are not enough.

The crisis of the historical consciousness and the identity is not accidental; and one of its circumstances is the process of the globalization.

The globalization changes the role of states and nations, the forms of communication, of movement of people; borders between countries become more open; the education, the language change and so on. The globalization leads to the destruction of the national identity which is substituted by other identities, religious in particular. Appraisals about great historical events are revised as also ideologies of the XX century.

The modern type of society is outdated; different tendencies of the future development, existing civilizations fight with each other. The content of the historical consciousness and the identity will depend on such type of the civilization which will win. The philosophical reflexion can determine contours of the future society, the senses of the happening events; it is significant for the historical reconstruction and representation and accents in the identity.

Key words: identity, historical consciousness, globalization

References

1. Corm J. Religiozny Vopros v XXI Veke. Geopolitika i Krizis Postmoderna [The Religious Question in the XXI Century. Geopolitics and the Crisis of Postmodernity]. Moscow, Institute Obshchegumanitarnyh Issledovaniy [Institute for Humanities Research], 2012, 288 p.
2. Megill A. Istoricheskaya Epistemologiya [The Historical Epistemology]. Moscow, Kanon+, ROOI Reabilitatsiya [Rehabilitation], 2009, 480 p.

3. Ostanina O. A. K voprosu o Nationalnoy Identichnosti Rossii [On the Question of Russian National Identity]. Vestnik Vyatskogo Gosudarstvennogo Gumanitarnogo Universiteta [Journal of the Vyatka State University of Humanities], 2013, no. 2 (1), P. 9–14.
4. Ostanina O. A. Istoricheskoye Soznanie v Epohu Globalizatsii [Historical Consciousness in the Era of Globalization]. Bytie – Jazyk – Istorija. Materialy Vserossijskoj zaochnoj nauchnoj konferencii 19 nojabrja 2015 g. Kirov, OOO “Raduga-PRESS” [Genesis – Language – History. Proceedings of the All-Russia Correspondence Scientific Conference November 19, 2015 Kirov, OOO "Rainbow-PRESS"], 2015, P. 101–105.
5. Ostanina O. A. Transformatsiya ili Konets Istoricheskogo Soznaniya? [The Transformation or End of Historical Consciousness?]. Sociogumanitarnye Nauki v Transformiruyushchemsya Obshchestve: Chelovek v Informativnom Obshchestve. Sbornik statey i Tezisev Dokladov X Vserossiyskoy Nauchnoy Konferentsii [Social Sciences and Humanities in a Transformed Society: the Man in the Information Society: a Collection of Articles and Abstracts X All-Russian Scientific Conference. May 2012], Lipetsk, Publ. LGTU, 2012, P. 123–125.